

По логике вещей, раз Пэй Ни так досаждают Чжань Цзыян, разве Шэнь Синьюй не должна злорадствовать в душе? Зачем вообще помогать Пэй Ни и звать на помощь учителя?

Тут определенно была какая-то причина, хотя какая именно — Чэнь Жо и сам не знал.

Шэнь Синьюй на самом деле тоже не горела желанием вмешиваться, но положение старосты обязывало. Поначалу она думала, что Чжань Цзыян побузит максимум с утра до обеда, но кто ж знал, что он припрется даже на вечернее самообразование. Если так пойдет и дальше, дисциплина во всем классе полетит к чертям.

Другие Чжань Цзыяна боялись, а вот она — ни капли. В конце концов, она была девчонкой из Сычуани и Чунцина. По секрету всему свету: ее отец — полицейский, отслуживший уже больше десятка лет, старший инспектор полиции здешних мест, до третьего ранга главного инспектора ему оставалось всего пару лет.

.....

Вскоре сменявшая ее на вечернем занятии учительница словесности пришла вместе с Шэнь Синьюй. Увидев это, Чжань Цзыян смог лишь с позором ретироваться. В его глазах уже не было того утреннего упорства — видать, окончательно пал духом. Впрочем, Чэнь Жо считал, что такие типы просто так не сдаются: либо угомонятся после хорошей взбучки после уроков, либо продолжит упорствовать в своем безумии.

Впрочем, Чэнь Жо это не касалось. Они там ведут междоусобные войны, а мы — зрители в первом ряду.

Сегодняшняя комедия под названием Хроники жалкого подлизы доставила Лу Баю истинное наслаждение. Собравшись с мыслями, он спародировал манеру речи героев каких-нибудь романов:

— О скажи мне, любовь — это что за напасть, что заставляет людей за тебя умирать!

Чэнь Жо к подобным вещам давно привык. Десять лет спустя хватало типов куда более радикальных, чем этот Чжань Цзыян, ему до них было еще далеко.

Странные вещи случаются каждый день, а на редкостных чудиков приходится один шанс на сто.

.....

Началось вечернее самообразование. Некоторые ученики решали задачи до потемнения в глазах, другие скучали так, что хоть вешайся — атмосфера в классе царила унылая донельзя.

Поэтому перед началом каждого вечернего занятия преподаватели по своим предметам устраивали внезапную проверку пройденного материала.

Словесники, например, спрашивали классические тексты, математики — формулы, англичане — слова и сочинения, и так далее.

Учительница китайского проверяла знание текстов оригинальным способом: во время общего чтения вслух она прислушивалась, кто молчит или у кого голос самый тихий. Из-за этого ученики второго класса неизменно тряслись от страха оказаться самыми тихими и изо всех сил старались перекричать остальных, сливаясь с общим гулом.

Никому ведь не улыбалось переписывать классику от корки до корки.

Когда во втором классе началось чтение, Чэнь Жо не сразу пришел в себя. Он даже понятия не имел, на какой странице они читают, и совершенно отстал от коллектива.

Эту оплошность тут же засекли зоркие глаза преподавательницы. Похоже, сегодня жертва нашлась.

В глазах учительницы Чэнь Жо слылся прилежным учеником. На выпускных экзаменах за первый семестр его общий балл крутился в районе 580–590, с таким результатом вполне можно было поступить в Цзинаньский университет.

Вот только стабильности не хватало. Точные науки давались Чэнь Жо блестяще, а вот гуманитарные хромали на обе ноги. Английский тоже был слабым местом, а по китайскому он едва-едва перешагивал проходной бал.

Если отправляться на гаокао с таким раскладом, исход непредсказуем: ведь даже гении точных наук не могут поручиться, что напишут экзамен на максимум.

Проблема Чэнь Жо заключалась как раз в том, что эти два предмета тянули его на дно. Если не выбить максимум по естественным наукам, о Цзинаньском останется только мечтать.

А вот если бы английский и китайский стабилизировались на отметке 120–130 баллов, не то что Цзинаньский — даже Южно-Китайский технологический был бы ему по плечу.

Все вышло ровно так, как и предполагала учительница: в прошлой жизни Чэнь Жо прошел в Цзинаньский университет буквально на волосок от проходного балла.

Поэтому она решила, что впредь за Чэнь Жо нужен глаз да глаз. Начать можно и с сегодняшнего опроса — посмотреть, как он готовится к приближающемуся гаокао.

Чтение стихло. Ученики в полном напряжении ожидали божественного перста преподавательницы. Некоторые даже принялись истово молиться небесам, беззвучно шевеля губами:

— Только не я, только не я, умоляю...

Учительница сошла с возвышения и медленно пошла вдоль рядов, останавливаясь у каждой парты. Несколько несчастных даже не смели поднять голов, смертельно боясь привлечь к себе внимание, и лишь когда преподавательница остановилась у стола Чэнь Жо и велела ему подняться, остальные облегченно выдохнули и выпрямились.

— Чэнь Жо, встань и расскажи Ли Сао.

— ?

Лицо Чэнь Жо выражало полное недоумение. Ничего удивительного в том, что вызвали именно его, не было — только что вернувшись в прошлое, он напрочь забыл про эти внезапные проверки. Он еще мог ожидать, что учительница попросит прочесть что-нибудь покороче вроде Сяояо Ю, Песни о бесконечной тоске или Павлуна Тэнванге, но чтобы заставить его шпарить самую длинную поэму Ли Сао?!

Те произведения занимали от силы тысячу с небольшим знаков, а Ли Сао превосходила их по объему ровно в три раза — название полностью оправдывало ее суть.

Похоже на целенаправленную травлю, хотя придраться формально было не к чему...

Впрочем, для Чэнь Жо это не составляло особой сложности. В прошлой жизни ему доводилось строчить для начальства тексты на несколько тысяч знаков за раз, так что выучить наизусть было вполне реально. К тому же он не все позабыл, просто часть знаний слегка заплылилась в памяти.

К тому же в школьной программе учить наизусть задавали далеко не всю Ли Сао, а всего несколько строчек. Правда, в этих строчках попадались каверзные слова, на которых легко оступиться. Во всем втором классе полностью от зубов ее отскакивали разве что у Шэнь Синьей, Хуан Цзяци да у той же Пэй Ни — тройки лучших учеников класса.

Чэнь Жо взял учебник, бегло пролистал его в голове, затем захлопнул книгу и заговорил:

— Долго плачу я навзрыд и скрываю слезы, горько мне оттого, что в судьбе народа столько бед... Пускай я чист душой и стремлюсь к совершенству, но клевета летит со всех сторон с рассвета до заката...

Когда Чэнь Жо умолк, одноклассники остолбенели:

— Это вообще наш Чэнь Жо?!

Раньше он не то что Ли Сао, даже Рассуждение о шести царствах или другие тексты попроще едва осиливал, с чего вдруг сегодня его прорвало выдать Ли Сао без единой запинки?

Учительница тоже пребывала в полном изумлении. Помолчав немного, она первой захлопала, увлекая за собой остальных:

— Кхм-кхм, похоже, наш товарищ Чэнь Жо в последние дни взялся за ум. Продолжай в том же духе, на гаокао это принесет тебе огромную пользу. Остальным тоже стоит поучиться у Чэнь Жо, стремитесь к отличным результатам на экзаменах и поступайте в желанные университеты.

С этими словами Чэнь Жо опустился на стул под ошеломленные взгляды друзей детства, обалдевшие лица одноклассников и довольную улыбку преподавательницы.

Не теряя времени даром, Чэнь Жо вытащил из стопки учебных материалов сборники заданий по всем предметам.

Сначала — главные дисциплины: китайский, математика и английский. Запас знаний в голове сейчас бурлил, и те вопросы, что раньше казались китайской грамотой, теперь легко решались с ходу. Математика давалась так же легко, как и прежде: стоило бросить взгляд на условие, как в голове выстраивался путь решения. Английский подкачал — все по-старому, темный лес. Точнее, не то чтобы совсем темный, просто в заданиях на заполнение пропусков и чтение текстов многое ускользало от понимания.

Напоследок остался комплексный блок естественных наук: физика, химия и биология. Чэнь Жо даже смотреть на теорию не стал, сразу перейдя к практическим задачам по физике.

Разобравшись с первой задачкой, он заглянул в ответы на последней странице сборника — решение оказалось абсолютно верным.

Как такое возможно?

Чэнь Жо даже не поверил своим глазам. Следующие полчаса он потратил на то, чтобы прорешать еще несколько сложных задач, и все ответы сошлись. Затем он переключился на химию и биологию — те тоже щелкались как орехи. Казалось, его мозг и впрямь вернулся в семнадцати-восемнадцатилетний возраст, когда голова ломилась от бесчисленных знаний, только теперь к ним добавился багаж жизненного опыта и кругозор, заставивший сухую теорию ожить и наполниться смыслом.

Похоже, больше чем десять лет взрослой жизни после окончания школы не стерли из памяти то, чему учили учителя.

Более того, к этому прибавился опыт, получить который в стенах школы было невозможно.

Значит, он вполне сможет поступить в один университет со своей маленькой соседкой по парте!

<http://bllate.org/book/21023/2136966>